

A detailed illustration of a cozy autumn scene. In the center, a two-story wooden house with a red-tiled roof and a small tower stands on a hillside. The house has several windows with warm yellow light emanating from them. A dirt path leads from the foreground towards the house. In the foreground, two young children, a boy in a blue jacket and a girl in an orange jacket, are walking away from the viewer along the path. The path is lined with a rustic wooden fence and is surrounded by a field of colorful autumn flowers, including daisies and sunflowers. The trees are in full autumn foliage, with shades of orange, yellow, and red. In the background, rolling green hills are visible under a blue sky with a few birds flying. The overall atmosphere is peaceful and nostalgic.

Валентина Дорн

**Из счастливой
страны Детство**

Валентина Дорн

Из счастливой страны Детство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71309656

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта книга – о самых ярких впечатлениях, самых главных событиях и самых важных людях. Она – про детство. Мне повезло в этой жизни: я пережила не одно, а три детства. Одно – с собой, два – со своими детьми, вместе с ним постигая мироустройство и главные ценности. Я научилась радоваться простым вещам и относиться ко всему с улыбкой и иронией. Это отношение я постаралась передать в книге. Мне хочется, чтобы вместе со мной читатель улыбнулся и подумал о том, что у него было так же. Просто все мы – родом из Детства.

Валентина Дорн

Из счастливой страны Детство

Из счастливой страны Детство

Все начинается с детства. Я помню многое. Был снег и причудливые узоры на окнах, которые серебрились под солнечными лучами, и треск дров в печи. Помню зеленую березовую рощу, просвеченную солнцем, и вкус березового сока, и мамины очень добрые глаза, и отцовские сильные руки, которые меня подхватывали. Ощущение тепла и защищенности...

Я всегда была под защитой, потому что меня любили. Безусловно и безоговорочно. И этой любви было так много, и она была такой огромной, что за ней было можно спрятаться как за стеной от всех невзгод. Я ощущаю ее сейчас, спустя десятилетия, после того, как мы с мужем передали ее своим детям. Все начинается с детства, и в этом всем самое главное – родительская любовь.

Светлые лица

Говорят, что ребенок может помнить себя примерно с трех лет. Верите или нет, но в закоулках моей памяти хранится воспоминание, как папа с мамой учили меня ходить. Это значит, что мне было около года. Они сидели в крес-

лах напротив друг друга, и звали к себе, вытягивая вперед руки. И я шла навстречу этим рукам.

Страшно было оказываться посредине комнаты без привычной опоры, и иногда я хваталась за края скатерти, которые свисали со стола. Когда мне удавалось пробежать (ноги несли сами) от рук в руки без скатерти, родители радовались, и вообще у них были очень светлые и счастливые лица. Они радовались, что я у них есть, и что я расту и уже почти хожу самостоятельно.

Еще помню щемящую тоску по маме, когда она долго не возвращалась с работы. Тайком от всех я уходила в спальню, где у кровати на гвоздике висел мамин домашний халат. Я буквально «зарывалась» в него лицом и вдыхала родной мамин запах. Мне так хотелось в тот момент быть рядом с ней, что на глазах появлялись слезы.

Я родилась третьей дочкой в семье. Возможно, мои родители хотели сына, но они никогда об этом не намекали даже. Больше всех со мной занимался отец. Я знала огромное количество всяких песен: отец водружал меня себе на шею, ходил по комнатам и пел. Я все выучила и подпевала со своего «второго этажа».

Отец вообще-то был гармонистом-самоучкой. В его репертуаре были песни из всяких кинофильмов и какие-нибудь застольные, и на тот момент современные, которые звучали по телику.

Листья желтые над городом кружатся,

С тихим шорохом нам под ноги ложатся,

И от осени не спрятаться, не скрыться.

Листья желтые, скажите, что вам снится...-

Громко пели мы.

Родилась я в поселке Глубокое Восточно-Казахстанской области. Там был завод с высоченными трубами, из которых периодически выбрасывался едкий дым. От него першило в горле и хотелось все время кашлять. По этой причине нас часто загоняли в дом с улицы, чтобы переждали «химическую атаку». А еще, как я потом выяснила, Глубокое находится не так далеко от Семипалатинского полигона, где производились испытания ядерного оружия.

Я росла не очень крепким и здоровым ребенком, к тому же еще худышкой. Родители решили увезти меня подальше от едкого дыма и полигона: в небольшое село Соколовка в Северном Казахстане, где зимой наметало сугробов по самые окна, и мороз стоял градусов под сорок.

Я смотрела на мир через стекла с морозными узорами, которые казались иллюстрацией к какой-то волшебной сказке и серебрились под солнечными лучами. Дома сидеть надоело, а на улицу зимой выпускали не каждый день. Одни только сборы и одевания чего стоили. Как космонавт выходит в открытый космос, я выходила во двор, осторожно втягивая носом обжигающе холодный воздух. Ноги – в валенках и трех штанах, руки – в варежках и шубе, шея не поворачивается из-за воротника и шарфа. В таком виде двигаться бы-

ло не особо удобно. Ну, разве поскрести для порядка лопатой, очищая дорожку от снега. У меня была своя маленькая лопата.

Ничего не оставалось, как играть сама с собой дома. Я выстраивала сказочную страну из открыток, и по ее улицам ходили люди – шахматные фигурки, и они говорили между собой, то ссорились, то обнимались, то радовались, то грустили. Я повелевала целым миром, который сама придумала! И когда это происходило, я как будто «уплывала» из этой комнаты и времени, которое имело свойство убыстряться. Вот только был обед, а теперь уже пришли родители, и на кухне горит свет.

Летом было лучше, чем зимой. Наш дом стоял на высоком берегу Ишима. Если спуститься вниз, то ты у речки с илистыми берегами, на которых отчетливо виднелись отпечатки гусиных лап. Гуси плавали днем, а вечером возвращались во двор на кормежку. У них был очень злой и задиристый гусак-предводитель. Он бросался ко мне навстречу и угрожающе шипел, выставив длинную шею. Рядом с входной дверью стояла палка, с помощью которой отбивались от «злюки».

Летом можно было гулять по берегу, качаться на качелях, которые отец сам сделал, играть с собачкой. Сестры никогда меня в свои игры и «походы» не брали: для них я была слишком маленькой.

Иногда мы ходили всей семьей в лес за березовым соком или грибами. До сих пор помню необыкновенно светлые,

белоствольные березовые рощи и хвойный бор с хрустящими под ногами шишками и иголками. В пять – шесть лет мне уже давали в руки маленькую корзиночку, и я наравне со всеми собирала грибы.

По грибы

Корзинка была красно – синей: сплетенной из каких-то плотных, жестких проволочек. Довольно тяжелой на вес. И круглая ручка у нее не гнулась, несмотря на мои усилия. Она вообще никак не гнулась вся.

– Ну, держи, грибница наша маленькая! Это тебе по грибы ходить! – Радостно сообщила мама.

К пяти годам своей жизни я заслужила репутацию знатной грибницы. В лесных походах обязательно находила какую-нибудь грибную семейку. На мой взгляд, делать это мне было значительно проще, чем взрослым: они большие, ходят далеко от земли, а я – маленькая. Мне все хорошо видно. Грибы, хоть и прячутся под листочками, но все равно их видно по бугоркам.

Обычно мама всегда находила много грибов, а отец – ничего, хотя и тщательно греб листья палкой. Расчищал пространство.

– Ты в следующий раз грабли с собой возьми, – шутила мама.

После вручения корзинки мне сразу же захотелось пустить ее в дело: пойти в лес, но на улице стояла ранняя весна. Лес и трава, и грибы, и вся лесная живность еще спали.

Оставалось только ждать.

Воображение рисовало такую картину: корзинка, наполненная грибами с темными шляпками, а сверху еще листочек или горстка ягод. Так в мультиках изображают про ежиков и лесных зверей, которые делают запасы на зиму. Пока же корзинка служила колыбелью для куклы: самой маленькой, с желтыми волосами.

Вообще-то у меня было три куклы с желтыми волосами: Настя, Женя и Маргарита. Самую большую – Маргариту мне подарили на последний день рождения. У нее были голубые глаза, а у других коричневые. И они были все похожи друг на друга. По игре они все были моими дочками. Как и положено, я укладывала их спать, кормила, выводила на прогулку, иногда бранила за плохое поведение.

Начала грибного сезона я ждала с нетерпением. Едва на улице потеплело, появилась травка и молодые несмелые листочки на деревьях, я всех замучила вопросом:

– А когда мы в лес пойдем?

Я вообще, в принципе любила ходить в лес. Даже просто так, ничего не собирая. Мне он казался каким-то огромным, непостижимым, другим, волшебным миром с его запахами, звуками и видами. Только что ты пробирался по узкой тропинке, и тут вдруг она привела на поляну, залитую солнцем, а за деревьями оказался берег реки...

Я любила долго ходить, а потом лечь на листья и смотреть на верхушки деревьев, и как между ним проплывают облака,

похожие на мультяшных зверей, и спуют птицы. И время как будто останавливалось.

Перед выходными мама сообщила, что в воскресенье мы пойдем в лес. Наконец-то! Корзинку я приготовила уже с вечера и попросила, чтобы мне дали маленький ножичек: сама буду срезать грибы, чтобы не звать взрослых.

Утром я перебудила всех: и родителей, и сестер, которые хотели отоспаться в свободный от работы и учебы день. И все они, на мой взгляд, собирались и завтракали очень долго. Ну как можно быть такими медленными?

К слову сказать, совсем не из вредности, а из-за озорства я будила всех утром каждого воскресенья. В субботу вечером у нас была баня, и после нее на меня уже надевали пижаму, а не привычное платье и колготки. Следовательно, на обычном месте – на стуле моей одежды в воскресенье не было. Я просыпалась, когда еще все спали, и громко, по слогам (для доходчивости) кричала: о – де – жу! О – де – жу!

Видимо, у просыпавшихся людей не было сил на меня кричать или бранить. Они только начинали скрипеть ящиками и спешно копаться в вещах, а затем баба Тася или мама приносили мне свернутые вещи. Колготки при стирке имели свойство суживаться и сжиматься, и первый раз надевать их было не слишком быстро и приятно. Требовались усилия. Через несколько часов носки они уже растягивались, и нужно было их постоянно подтягивать.

В корзинку мне положили провизию: бутерброд и

несколько пряников. По себе знаю, что даже если ты с утра поел, в лесу все равно хочется есть. Там воздух особый, и самая привычная еда кажется другой: вкуснее и ароматнее. Даже просто кусочек хлеба – и то лакомство.

Весенний лес звенел птичьими голосами и был по-особенному светлым и солнечным, но грибы в нем не наблюдались. Некоторое время я сосредоточенно шебуршала палкой под листиками, а потом мне захотелось просто ходить и смотреть вокруг себя.

Я точно знала: лес – это живое, теплое, доброе. Деревья – великаны, которые связаны между собой корнями, с руками-ветвями и ногами-стволами. Если обнять ствол и прислониться ухом, слышно, как поднимаются из глубины земли живые волны. Одна, другая, третья. Хочется раскачиваться вместе с ними и кружиться, кружиться...

Домой я возвращалась, уже сидя на плечах у папы: очень устала. Совершенно счастливая, но только с некоторым сожалением, что не оправдала чьих-то надежд. Мне подарили корзинку, а я не нашла ни одного гриба... На ее дне лежало несколько сорванных синеньких цветочка. К моменту возвращения они уже совсем повяли.

В ближайшую зиму для корзинки нашлось еще одно применение: она стала частью моего новогоднего костюма. Мама решила, что раз уж она есть, то к ней непременно нужно сшить костюм Красной Шапочки. На мне была пышная юбочка с фартуком и какая—то кофточка, а с красной шап-

кой как-то не задалось. То ли она не держалась на голове, то ли ее вообще решили не надевать. Поэтому одна девочка, которая, видимо, не была хорошо знакома с творчеством Шарля Перро, меня спросила:

– Ты кто?

– Я – Красная Шапочка. Видишь – корзинка?! – Гордо ответила я.

К слову сказать, пирожков для бабушки туда никто не положил, что было прямым нарушением сценического действия. К тому же выяснилось, что водить хороводы вокруг елки с корзинкой в руках ужасно неудобно.

К новогодним утренникам у меня было двойственное отношение. С одной стороны, мне нравилась вся эта предновогодняя суета с ожиданием праздника. С другой, – в самом празднике с хороводами и сказкой перед елкой чувствовалось что-то ненастоящее, обманчивое. Ненастоящими были Дед Мороз и Снегурочка, их слова. Ненастоящими – все эти Зайчики, Снежинки, Шахматные короли и другие «чудики». И еще с нами, детьми, на этих утренниках обращались как с малоразумными существами. Мне так казалось.

Зимнее чудо

Мне снится сон, как будто за мной кто-то гонится, и в самый последний момент я ускользаю: оказывается, я умею летать. Нужно только собрать все силы и хорошо оттолкнуться от земли. Я пролетаю над крышами, вижу людей, и мне хочется им крикнуть, чтобы они посмотрели на меня. Все

смотрят только вниз. Я хочу обратно на землю, начинаю просыпаться и вдруг сквозь полусон ощущаю знакомый, очень приятный запах.

Елка! Вчера папа принес и поставил огромную елку до потолка! Я сбрасываю с себя одеяло и бегу из спальни в зал, где елка уже просвечена утренним солнечным светом. Настоящее лесное чудо у нас дома!

Я обхожу вокруг нее, прикасаясь потихоньку к веточкам, будто бы здороваюсь с ней, а потом сажусь рядом на пол, смотрю и дышу. Мы с ней – почти одно целое.

– Ты чего тут на полу? Застудишься! Одевайся иди! – Кричит баба Тася. Она всегда старается кричать, потому что голос у нее слабый и сиплый. Я ее совсем не боюсь, но все-таки подчиняюсь. Одеваться – то все равно надо.

Елку вчера поставили в деревянный ящик с дыркой для ствола. Внутри его – моторчик, который заставляет елку крутиться. Ящик сделал папа, а потом мы его втроем разрисовали, как новогодние открытки. Мне тоже разрешили, потому что я хорошо рисую.

Я вообще очень люблю рисовать, особенно красками. Иногда мне дарят альбом с большими белыми страницами, и его почти сразу зарисовываю. Жалко только, что краски долго сохнут, и приходится ждать, чтобы перевернуть страницу. Если не ждать, то страницы альбома склеятся, а рисунок испортится.

Особенно люблю рисовать домик с трубой, из которой

идет дым, и забор, и деревья, и снег. Я представляю, что в этом домике живут дети и взрослые, топят печь, собираются за большим столом, рассказывают сказки. Это мой маленький мир. Еще иногда я рисую на всю страницу кружку, а ней – какой-нибудь яркий узор. Я мечтаю, что когда вырасту, то пойду на кружечную фабрику разрисовывать кружки. Люди будут пить из них молоко или чай и радоваться.

Елка стояла в крутящем ящичке, но нарядить ее вчера вечером не успели. И это хорошо. Значит, сегодня снова будет радость. Я жду, пока все придут из школы и с работы, и сотый раз рассматриваю картинки из толстой книжки со сказками про Золушку, Спящую принцессу и других.

Вечером, наконец, наступает долгожданный момент. Откуда-то из кладовки приносят ящик с игрушками. Все эти игрушки я помню уже очень хорошо: блестящие сосульки, шишки, светофорчик и всякие зверюшки. И в прошлом году их на елку вешали, и в позапрошлом. Может даже, до моего рождения – тоже. Самая красивая игрушка – это блестящая макушка, которая сверху надевается. Она – самая главная.

Моя работа – это резать ниточки и вдевать их в петельку на игрушки. Конечно, мне тоже хочется, как сестры вешать игрушки на ветки, но я все равно высоко не достаю.

Когда все игрушки на местах, мама помогает раскинуть блестящий дождь на ветки и гирлянды. Одна гирлянда не горит – и в дело включается папа.

Наконец, все лампочки светятся. Мы выключаем большой

свет и любуемся на новогоднюю елку в огнях и блесках. Очень красиво! Жалко только, что с горящими гирляндами она не может крутиться: провода не пускают. Поэтому либо крутящаяся елка без гирлянд, либо неподвижная с гирляндами. Мне и так, и так нравится. Новый год – мой самый любимый праздник!

Еще к новому году у нас накапливалось огромное количество конфет. Подарки давали для нас родителям на работе, сестрам, а позже и мне – в школе, иногда приносили родственники. Бабушка сшила всем нам из белого материала мешочки для конфет, которые затягивались шнурком, и вышила на каждом имя, чтобы они не путались.

Мы обязательно сортировали конфеты и считали: сколько карамелек, сколько с черной и сколько с белой начинкой. Иногда обменивались, иногда настаивали на леденцах «лимонад», или делали из них «блины», надавливая ножкой табуретки. Больше всего я любила большие шоколадные конфеты типа «Гулливер» или «Красная шапочка».

Еще в подарках бывали грецкие орехи, которые мы раздавливали с помощью дверей, и яблоки, и очень маленькие мандаринчики. Откуда они брались – неизвестно, поскольку в магазинах мандарины и апельсины не продавали. Это было одно из новогодних чудес.

В гости к бабушке

Когда у родителей был отпуск, они ехали в гости к папиным родителям, в Восточно-Казахстанскую область. Иногда

брали меня с собой.

Из Волгоградской области дорога в Казахстан занимала вместе с пересадкой пять суток. Одну ночь нужно было провести на вокзале, пытаясь как-нибудь устроиться на неудобных жестких сидениях, остальные – в поезде.

Мы ехали в плацкартном вагоне, и это было сначала интересно, а потом слишком долго и скучно. Сидеть и лежать на одном месте надоедало, и я начинала шастать по вагону, но не просто так, а по делу: выбросить фантик от конфеты, помыть руки в туалете и так далее. Еще я научилась наливать кипяток в кружку. Нужно было лить недополна, чтобы не расплескать и не обжечься.

Шастая туда-сюда с кипятком и без я, конечно, попала в поле зрения кондуктора, которая преградила мне дорогу.

– Ты чья? – Спросила она.

Вообще-то я привыкла точно отвечать на поставленные вопросы.

– Я – папина и мамина.

– Ах, вот как, – в глазах строгого кондуктора мелькнула улыбка.

Следующие минут пять она еще задавала мне всякие вопросы: куда я еду? К кому? И так далее. Конечно, я все ей рассказала в деталях. Оставшиеся два или три дня мы уже общались с ней как хорошие знакомые.

– Какая девочка у вас смышленная! – Сообщила кондуктор моим родителям.

Она персонально со мной попрощалась, когда мы выходили из вагона, и некоторое время смотрела вслед. Может быть, она вспоминала свою дочку...

Бабушка с дедушкой жили в поселке Глубокое в большом и не живом, с моей точки зрения, доме. Внутри царил полутьма, поскольку летом закрывались ставни, чтобы не было жарко. В доме стояли комоды и кровати с высокими перинами, пышными подушками, накрытыми накидками. Спать, провалившись в перину, мне не очень нравилось. Казалось, что я куда-то провалилась, и хотелось выбраться наружу, чтобы снова ощущать пространство и воздух.

В комнатах царил идеальный порядок, лежали какие-то расшитые салфетки и громко тикали часы, возвещая боем о наступлении какого-то важного события. Мне было даже как-то неловко нарушать тишину этого дома.

Бабушка с дедушкой были чистокровными немцами. До Казахстана они жили в республике немцев Поволжья, а потом их депортировали во время войны. По-русски они говорили немного с акцентом, а между собой общались по-немецки. Я ничего не понимала из их речи.

Их дом, речь, строгий распорядок дня – все это казалось мне непривычным и странным. И вообще в моей голове не укладывалось, что эти малознакомые люди для меня – дедушка и бабушка. У меня уже была моя настоящая бабушка, которая с нами жила и заботилась о нас каждый день, иногда ругалась и грозила стукнуть тапком. Вот она - настоящая

бабушка, а эта не очень... Хотя она, как положено бабушке, пекла пирожки и делала всякие вкусности. Немецкие сытные люда с жирным мясом мне были не слишком по вкусу, и больше всего мне нравились галушки с картошкой и обжаренными на масле сухариками.

Что касается дедушки, этот персонаж для меня вообще непонятен: у бабушки, которая с нами жила, муж не вернулся с войны. Немецкий дедушка подчинялся бабушке и вечно занимался какой-то работой по дому и огороду, где тоже царил идеальный порядок, и был построен маленький летний домик-беседка для внуков.

Когда я подросла, то узнала о нем такую деталь: когда началась война, его определили в трудармию на север. По сути дела, они жили там как заключенные, соблюдая лагерный режим. Дед был высоким, и положенного пайка ему не хватало. С каждым днем он слабел все больше. Один раз он упал прямо на дороге, когда их вели на работу.

– Пристрелить его что ли? – Спросил один конвоир у другого.

– Что на него пулю тратить? И так дойдет, – отозвался другой.

Колонна трудармейцев ушла, а он остался в снегу на сорокаградусном морозе. Через какое-то время по дороге проходила женщина из ближайшей деревни, с санками. Она направлялась в лес за валежником и дровами. Она остановилась возле полуокоченевшего человека, с трудом погрузила

его на санки, привезла к себе домой и начала выхаживать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.